

ОТЗЫВ

официального оппонента

о диссертации Юриной Натальи Геннадьевны

**«Литературно-художественное творчество В. В. Соловьёва в контексте
русской словесности второй половины XIX века
(эстетика, поэтика, стиль)»**,

представленной на соискание ученой степени

доктора филологических наук по специальности 10.01.01 – русская литература

Отечественное литературоведение рубежа веков было сосредоточено на тех сторонах литературного процесса, которые ранее были невозможны для исследования: на его философском и религиозном аспектах. Особое место в этом исследовательском поле занимал Вл. Соловьев, с его философской программой, определившей эстетику младосимволистов. В науке давно утвердилась мысль о трансляции философских идей Соловьева через его поэзию, в чем и виделась уникальность этого автора; такая поэзия профессионального философа – едва ли не единственный пример в русской литературе, по утверждению В. С. Баевского. В связи с этим собственно историко-литературная и поэтологическая сторона наследия Соловьева, изучение его творчества в целом как конкретной художественной системы, имеющей различимый генезис и специфичную поэтику, привлекала исследователей нечасто, причем отдельными конкретными темами. Постепенное заполнение этой лакуны привело к необходимости целостного осмысления творчества Владимира Соловьева, что и делает автор представленной диссертации, и в этом ее актуальность.

Основным достоинством работы Н. Г. Юриной является концептуализация всего творчества Вл. Соловьева; привлечение обширного теоретико-литературного и литературно-критического материала позволяет дать обобщенную и одновременно детализированную картину художественного мира этого автора. В шести главах диссертации рассматриваются произведения разных видов, родов и жанров: лирика, драма, беллетристические тексты, биографические, автобиографические, публицистические, критические статьи практически в полном объеме. В каждой главе прослеживаются жанровые, тематические и другие литературные традиции, и на фоне такого обзора их генезиса выделяются поэтологические особенности творчества Соловьева на разных этапах его творчества. Такая методология работы приводит к аргументированным и убедительным выводам.

Сквозной линией творчества Соловьева оказывается, по выводам автора диссертации, свойственная его наследию двойственность, в нем совмещены сугубо серьезные («высокие») темы и идеи, порожденные просветительски-пророческими интенциями, со снижающим смеховым началом, роль которого нарастает от ранних стихов к позднейшим, и особенно ярко проявляется в драматических опытах. Освоенность Соловьевым мистериальной и балаганной традиций, пародирование им жанров, типов и тем определяет его исключительно важное место в литературном процессе модернистской эпохи, несмотря на неровность произведений по художественным достоинствам.

Не могу сказать, что все разделы этого обширного исследования в равной степени производят сильное впечатление; скорее они действуют именно в совокупности; тщательная проработка всех жанровых воплощений соловьевского мировоззрения определяют ценность исследования. Однако хотелось бы выделить и наиболее удачные отдельные фрагменты.

1. К ним я бы отнесла подробное и конкретное рассмотрение романтической концепции творчества в эстетике Соловьева, с выделением точек схождения и различия между ним и романтиками, а также обоснование его позднейшей рецепции как символиста.

2. Кажется очень продуктивным указание на мировоззренческое различие между «масочностью» модернистов (символистов, в особенности) и Соловьева, поскольку последний исходил из возможности мирового всеединства, не противопоставляя земное невидимому, как это делали Белый и Блок. Так же продуктивно вполне частное наблюдение (через анализ образности) над мировосприятием поэта, отдающего предпочтение зрительным, а не слуховым образам; в контексте значения музыки для его современников и последователей эта особенность поэтики намечает пути рассмотрения одного из влиятельнейших влияний эпохи: ницшеанского.

3. Автор неоднократно включается в интерпретационные полемики, и умеет очень убедительно аргументировать свою позицию; примером этого стал тезис о том, что снижение женских образов в драматургии Соловьева не означает его отказа от идеалов или разочарования в них, сложная смеховая поэтика (я бы воздержалась обозначать ее как «поэтику абсурда») используется здесь лишь для отражения сложности взаимоотношений человека с идеалом.

4. Трудно оспорить возведение прозы Соловьева («Вечера в Каире») к модели платоновского диалога. Это утверждение, сделанное вслед за И.Б. Роднянской и другими исследователями, подкреплено в диссертации стилистическим анализом, обнаруживающим классические приемы античной риторики. Кроме того, это наблюдение органично встраивает и «Вечера в Каире», и «Софию», и «Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории» в эстетическую систему Соловьева, со свойственными ему пророчески-дидактическими интенциями, определяющими полилоговую речевую стратегию и принципы «драматизации» («беллетризации») в его текстах «Цертелев и Соловьёв использовали элементы сократического диалога: убеждение посредством пробуждения внутреннего согласия и иллюзии самостоятельного рассуждения» (с. 366). Высочайшая риторическая культура Соловьева отразилась как на композиционных, так и на стилистических особенностях его статей, что прекрасно показывает автор.

5. Особенно удачными я бы назвала целый ряд фрагментов работы, посвященных контекстуальному анализу: «Краткой повести об антихристе», повести «На заре туманной юности»; сопоставление литературной критики Соловьева с работами К. Леонтьева, Н. Федорова, Акима Волынского, Д. Мережковского, В. Розанова, Н. Бердяева, С. Булгакова. Вообще вся 6 глава может быть самостоятельным пособием по литературной критике эпохи, и в ней даны ответы на важный вопрос о причинах популярности Соловьева (не самого все же яркого критика). Во-первых, он «в середине 1890-х годов

объявил ключевые принципы философской критики, сформулировал ее цели, создал ряд литературно-критических произведений нового формата и определил отношение своей критики к другим направлениям эпохи», а во-вторых, (что особенно важно для целей диссертации) этот успех обусловлен его авторской стратегией: «Для Соловьёва-публициста была важна не столько диктальная (информативная) стратегия, сколько воздействующие (модальная и регулятивная) с их тактиками акцентирования, переформулирования, создания имиджа путем ненавязчивой оценки, совета, подчеркивания собственной компетентности, побуждения, экспрессивной лексики (чаще эпитетов), формирования доверительных отношений с адресатом».

Замечания:

1. Для описания художественного мира Соловьёва как целостного и единого автор использует понятия «авторской творческой стратегии» и «художественного метода», включаясь в полемики по поводу их обоснования и смысла. На мой взгляд, эти теоретические штудии первой главы несколько перегружают и без того обширную диссертацию. Однако нельзя не признать право автора на защиту удобного ему категориального аппарата.

2. В стремлении к четкому очерчиванию литературных традиций Н. Г. Юрина иногда увлекается, «привязывая» лирические топосы к конкретным художественным системам и явлениям. В частности, снижение образа Сатаны в «Альсиме» связывается в диссертации, прежде всего, с идеями Н.Г. Чернышевского (думается, объект пародирования здесь шире, чем «теория разумного эгоизма»), или размытое утверждение о связи Я4 с лирикой мысли в XIX веке.

3. Некоторые частные обобщения кажутся излишне широкими. Например, такое: «Интерес Соловьёва к диалоговой жанровой форме предвосхитил, по нашему мнению, феномен сказовой речи как в реалистической, так и в модернистической отечественной литературе 1900–1910-х годов (И. С. Шмелёв, И. А. Бунин, М. М. Пришвин, А. М. Ремизов и др.). В прозу стали проникать элементы драматургии, авторский текст сворачивался до ремарок, герои самовыражались свободно, без прерывания и давления автора». Все же тяготение художественного дискурса к диалогичности – общая широкая тенденция литературного процесса второй половины позапрошлого века, и Соловьёв в русле этой общей тенденции.

Вопросы:

1. В работе отлично прописаны жанровые черты всех обсуждаемых текстов, поэтому возникает вопрос о специфичности (самобытности), например, соловьевской мемуаристики. В главе о литературных мемуарах Соловьёва говорится о принципиальной новизне: «В. С. Соловьёв не заложил каких-то принципиально новых традиций в мемуаристике» (с. 416-417) и одновременно утверждается, что его мемуары «...стали чрезвычайно интересной и значимой страницей в истории русской литературы» (с. 417). Хотелось бы большей определенности.

2. Аналогично – о его энциклопедических статьях. Например, о последних сказано: «... автор, видимо, был убеждён в значимости для читателя только тех

жизненных фактов, которые имели непосредственное отношение к основному роду деятельности героя» (с. 460). Только ли Вл. Соловьев был в этом уверен? Или формирование подобного жанра с подобными интенциями – проявление широкой культурной тенденции, созвучной личным убеждениям Владимира Соловьева?

3. На с. 432 сказано: «Цитата вводилась писателем в текст, как правило, без указания на источник. Таким образом, она становилась прямым продолжением авторского текста. Помещенные в подобное обрамление, цитаты у Соловьева иллюстрировали авторскую точку зрения на «дело» Чернышевского, служили обоснованием ранее высказанных суждений». Возникает вопрос опять же о специфичности этого приема, ответ на него может быть дан только при сравнении аналогичных текстов. (В практике публицистики и критики прошлого рубежа веков, насколько мне известно, была распространена благодатная свобода цитирования (см. статьи В. Розанова, например)).

Подводя итог, следует сказать, что диссертация Н. Г. Юриной на тему «Литературно-художественное творчество В. В. Соловьёва в контексте русской словесности второй половины XIX века (эстетика, поэтика, стиль)» является самостоятельным, убедительным и интересным исследованием, выполненным на высоком научном уровне. В ней приведен и обработан обширный исторический и теоретический материал, ясно прописана концепция, методологическая выдержанность обеспечивает убедительность выводов. Все высказанные замечания и вопросы относятся к совершенно частным моментам исследования и не затрагивают ни сути работы, ни ее содержания, ни методологии. Публикации диссертанта раскрывают основные положения работы, а сама она соответствует требованиям п. 7 «Положения о порядке присуждения ученых степеней» ВАК РФ. Автор диссертации Н. Г. Юрина, безусловно, заслуживает присуждения искомой степени доктора филологических наук по специальности 10.01.01 – русская литература.

Официальный оппонент
доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры литературы
ФГБОУ ВО «Псковский государственный университет

Илона Витаутасовна Мотеюнайте

09 сентября 2019 г.

ФГБОУ ВО «Псковский государственный университет
Адрес: пл. Ленина, д. 2, каб. 37, г. Псков, 180000.
kaflit@pskgu.ru
(811-2)29-70-75.

